

ОБ ЭКОНОМИКЕ (КАК НАУКЕ) В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В.В. Зотов

Нынешняя зима с ее погодными рекордами, экономическими антирекордами и внешнеполитическими катаклизмами весьма неблагоприятно сказывается на мироощущении вообще и ежедневно будоражит восприятие событий текущей жизни.

Зато в этом году как-то глухо прошлестел на телеэкранах наш профессиональный праздник, День российской науки. Заметили ли вы его? Ощутили ли гордость за достижения, озабоченность ее нынешним состоянием и заинтересованное упование на ее дальнейшее развитие? Допустим, что заметили и ощутили, но это скорее всего только представители естественных наук, отмеченные наградами на традиционном торжестве, хотя и не из рук Президента. Но не экономисты, пусть даже увенчанные высокими научными степенями и внушительным списком трудов.

Еще в далекие советские годы в научной среде (не в обществе) возникло негласное деление на науки и общественные науки. Под науками обычно подразумевались науки естественные, а под общественными – экономика, философия, история, позже социология, ну и там прочие гуманитарные дисциплины. Разделение это проистекало из почему-то ставшим важным отсутствия у вторых той же экспериментально-исследовательской основы, какая была свойственна первым. То есть из разницы в предмете и методе. Между прочим, в дореволюционное время этих различий никто не делал, все науки были на равной ноге, лица, посвятившие себя научным изысканиям в разных областях, равно уважительно относились к занятиям друг друга. В глазах обще-

ства наука была едина в стремлении к истине путем добывания новых знаний в разных областях на благо всего человечества. И так продолжалось от самого появления науки нового времени в XVII в. до конца XIX – начала XX в. Это был период классической науки, которая поступательно и неуклонно наращивала общий для всего мира фонд научных знаний, в который, как ручейки в реку, вливались результаты всех наук.

В этот период по тогдашним научным представлениям классическим считалось все: политика, экономика, культура. Классическими были капитализм и колониализм. Классичность всего сущего в мире опиралась на ряд немногих открытых наукой, как тогда говорили, интеллигибельных, т.е. умопостигаемых, принципов или всеобщих законов, действием которых можно было объяснить все многообразие событий в наблюдаемом мире в прошлом, настоящем и будущем. Поэтому в классическом мире нормальное определяется как «естественное», к чему бы данное определение ни относилось.

Однако с наступлением эры машинных технологий классическое понимание мира стало искажаться и дробиться. Целостная картина гармоничного или пусть только стремящегося к гармонии мира стала превращаться в свою противоположность, в которой отдельные части некогда общего целого стали не только противоречить друг другу, но и захватывать и подчинять себе других. Всепроницающие машинные технологии, вгрызаясь в естественное тело классического мира, охватывали от него все новые и новые части, перерабатывая их в нечто новое и искусственное.

Мир забеременел катастрофами. Науки же вели себя в этом гигантском преобразовании по-разному. Естественные науки, из результатов которых выросли новые технологии, без особой внутренней борьбы быстро и без сожалений сбросили с себя обветшавшую классическую мишуру и активно влились в процесс преобразования прежнего «естественного» в новое «искусственное». Естественные науки приняли позитивистский и

© Зотов В.В., 2015 г.

релятивистский характер, что, среди прочего, означало, что для них исчезли все свойственные классицизму запреты на области, предметы и методы исследования. Для них перестало быть проблемой, что можно, а что нельзя исследовать. Исследовать стало можно все, что может быть мыслимо.

А что же общественные науки и в первую очередь интересующая нас экономика? Какова была их роль? С ними, по крайней мере частью из них, дело обстояло сложнее. Они в значительно большей мере, чем естественные науки, сохранили приверженность классицизму, разумеется, не в виде веры в открытые ранее естественные незыблемые законы, диктующие единые для всех правила поведения на все времена. Обратимся к любимой нашей экономике. Как и остальные науки, только еще более ярко и с большим напором, чем другие, она явилась миру в притягательном облике новой истины, усвоение которой обещало преобразовать мир в духе естественной гармонии и наибольшего счастья для наибольшего числа людей, которым те будут наслаждаться, если сумеют употребить с наибольшей выгодой свои имущественные активы, физические и умственные силы. А тот, кто не в состоянии решить или не желает решать эту возвышенную задачу, не достоин войти в мир свободы, равенства и братства.

Эти кажущиеся сегодня тривиальными утверждения в свое время прозвучали, как набат, по всей Европе, приводя в ужас одних и вдохновляя на открытую борьбу с *regime ancien* (старый режим) других. Они стали экономической программой для Великой французской революции и множества революций в других странах. В них вдруг увидели всеобщий идеал на все времена, ради которого можно пойти на любые жертвы, особенно если это будут жертвы среди противников.

В XX в. Дж.М. Кейнс сказал: «Идеи экономистов и политических философов и тогда, когда они верны, и тогда, когда они ошибочны, гораздо более могущественны, чем принято думать. Поистине, миром едва ли править,

что-нибудь еще. Практичные люди, которые считают себя совершенно свободными от любых интеллектуальных влияний, обычно являются рабами какого-нибудь забытого экономиста». В этой удивительной фразе выразилось практически все, на что оказалась способна экономическая наука. С одной стороны, она всегда старалась представить уважаемой публике идеал, к которому все обязаны стремиться, как к своему светлому будущему, а с другой – объясняла его недостижимость несовершенством тех, кто брался за его реализацию. Но есть еще и третье – экономическая наука очень мало занималась практическими проблемами низкой жизни простых граждан. Ей всегда гораздо милее были возвышенно-бесплодные прения о глобальном оптимуме или о гармоничном развитии, обо всем, что составляет предмет мейнстрима – современный вариант экономического классицизма. Если мир практической экономики – это природа жизни, то экономическая наука, особенно в ее теоретической части, – это сидение взаперти в башне из прозрачно-чистых, далеких от грубой жизни идей. Об этом хорошо говорил Шумпетер в своей инаугурационной речи как президент американской экономической ассоциации: «Достижения экономической науки превосходны, но как же стыдно, что столько блестящих умов занимается проблемами, которые никогда не появляются в реальной жизни». Наше кризисное время еще раз подтвердило этот вывод.